

Михаил
Елизаров

Михаил
Елизаров
Библиотекарь

Роман

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П76

Художник — Андрей Рыбаков

Елизаров, Михаил Юрьевич

П76 Библиотекарь : роман / Михаил Елизаров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 476, [4] с. — (Новая русская классика).

ISBN 978-5-17-099910-1

Михаил Елизаров — прозаик, музыкант, автор романов «Pasternak» и «Мультики» (шорт-лист премии «Нацбест»), сборников рассказов «Ногти», «Мы вышли покурить на 17 лет...» и других

«Библиотекарь» — роман, удостоенный премии «Русский Букер» и породивший скандалы и дискуссии в обществе; роман о священных текстах — но без «книжной пыли» Борхеса и Эко: книги здесь используются по прямому архетипическому назначению — оправленные в металл, они сокрушают слабенькие черепные коробки, ломают судьбы, зовут на костер и вторгаются в ткань мироздания.

...скучнейшие производственные романы всеми забытого советского писателя Громова спустя годы после его смерти обнаруживают в себе магические свойства: каждый способен наделить читателя сверхъестественными способностями. Важен не только текст, но и типографская краска и бумага; за раритетами охотятся несколько сект библиофилов, за право читать Книгу приходится сражаться с топором в руке...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099910-1

© Михаил Елизаров
© ООО «Издательство АСТ»

Рабочий человек должен глубоко понимать,
что вёдер и паровозов можно наделать
сколько угодно, а песню и волнение
сделать нельзя. Песня дороже вещей...

Андрей Платонов

Часть I
КНИГИ

Громов

Писатель Дмитрий Александрович Громов (1910–1981) дожил свои дни в полном забвении. Книги его бесследно канули в макулатурную Лету, а когда политические катастрофы разрушили советскую Родину, о Громове, казалось, вспомнить было некому.

Громова мало кто читал. Конечно, редакторы, определявшие политическую лояльность текстов, а потом — критики. Вряд ли кого-нибудь могли насторожить и заинтересовать названия «Пролетарская» (1951), «Счастье, лети!» (1954), «Нарва» (1965), «Дорогами труда» (1968), «Серебряный плёс» (1972), «Тихие травы» (1977).

Биография Громова шла бок о бок с развитием социалистического отечества. Он закончил семилетку и педагогический техникум, работал ответственным секретарём в редакции заводской многотиражки. Чистки и репрессии не коснулись Громова, он спокойно дотянул до июня сорок первого года, пока его не призвали. На фронт он попал военным корреспондентом. Зимой сорок третьего

Громов отморозил руки. Левую кисть удалось спасти, а вот правую ампутировали. Так что все громовские книги были созданы вынужденным левшой. После победы Громов увёз семью из ташкентской эвакуации на Донбасс и до пенсии оставался в редакции городской газеты.

За перо Громов взялся поздно, зрелым сорокалетним человеком. Он часто обращался к теме становления страны, воспевал ситцевое бытё провинциальных городков, посёлков и деревень, писал о шахтах, фабриках, бескрайней целине и битвах за урожай. Героями громовских книг обычно бывали красные директора или председатели колхозов, солдаты, вернувшиеся с фронта, вдовы женщины, сохранившие любовь и гражданское мужество, пионеры и комсомольцы — решительные, весёлые, готовые к трудовому подвигу. Добро торжествовало с мучительным постоянством: в рекордные сроки поднимался металлургический комбинат, недавний студент за полгода заводской практики превращался в закалённого специалиста, цех перевыполнял план и брал новое обязательство, зерно по осени золотыми реками текло в колхозные закрома. Зло перевоспитывалось или упекалось в тюрьму. Разворачивались и любовные страсти, но очень целомудренные — поцелуй, заявленный в начале книги, по аксиоме театрального ружья стрелял холостым чмоканьем в щёку на финальных страницах. И Бог с ними, с темами. Написано это было заунывным слогом, добротными, но пресными предложениями. Даже обложки с тракторами, комбайнами и шахтёрами были из какого-то сорного картона.

Страна, породившая Громова, могла публиковать тысячи авторов, которых никто не читал.

Книги лежали в магазинах, их уценивали до нескольких копеек, сносили на склад, сдавали в утиль и выпускали новые, никому не нужные книги.

Последний раз Громова напечатали в семьдесят седьмом году, а потом в редакциях сменились люди, знавшие, что Громов — это безобидный словесный мусор ветерана войны, в котором общественность не особо нуждается, но и не имеет ничего против его существования. Громов отовсюду получал вежливые отказы. Государство, празднуя грядущее самоубийство, высиживало бесноватую литературу разрушителей.

Овдовевший одинокий Громов понял, что отпущенное ему время истекло, и тихо умер, а через десять лет вслед за ним ушёл СССР, для которого он сочинял.

Хоть и было выпущено Громова общим числом больше чем полмиллиона, только отдельные экземпляры чудом осели в клубных библиотеках в далёких посёлках, больницах, ИТК, интернатах, гнили в подвалах, схваченные накрест бечёвкой, стиснутые материалами какого-нибудь съезда и ленинским многотомьем.

И всё же у Громова имелись настоящие ценители. Они рыскали по стране, собирая оставшиеся книги, и ничего не пожалели бы за них.

Это в обычной жизни книги Громова носили заглавия про всякие плёсы и травы. Среди собирателей Громова использовались совсем другие названия — Книга Силы, Книга Власти, Книга Ярости, Книга Терпения, Книга Радости, Книга Памяти, Книга Смысла...

Лагудов

Валериана Михайловича Лагудова, без сомнения, можно отнести к числу самых влиятельных фигур громовского универсума.

Родился Лагудов в Саратове в семье учителей, был единственным ребёнком. С детства отличался хорошими способностями. В сорок пятом семнадцатилетним юношей он отправился добровольцем на войну, но до фронта не добрался — в апреле заболел воспалением лёгких, месяц пролежал в госпитале, а в мае война завершилась. Эта тема опоздавшего на войну солдата была для Лагудова чрезвычайно болезненной.

В сорок седьмом Лагудов поступил в университет на филологический факультет. Успешно защитив диплом, он двенадцать лет проработал журналистом в провинциальной газете, а в шестьдесят пятом году его пригласили в литературный журнал, где он возглавил отдел критики.

Предшественник Лагудова расстался со своей должностью, прозевав сомнительный по лояльности роман. Хрущёвская оттепель миновала, но гра-

ницы цензуры оставались довольно размытыми — поди разберись: то ли текст в духе нового времени, то ли антисоветчина. В итоге и журнал, и издательство получили серьёзный нагоняй. Поэтому Лагудов был внимателен ко всему, что ложилось на его стол. Он, мельком проглянув повесть Громова, решил в один вечер разделаться с книгой и больше к ней не возвращаться. В голове он заведомо держал тёплую рецензию — критиковать бывшего фронтовика, пусть и написавшего с художественной точки зрения посредственный, но зато политически корректный текст о зенитчиках, Лагудову не позволяла совесть. К ночи с книгой было покончено. Сам того не подозревая, прилежный Лагудов выполнил Условие Непрерывности. Он не забывал о бдительности и прочёл повесть от первой строки до последней, не пропуская заунывные абзацы с описанием природы или какой-нибудь патриотический диалог. Так Лагудов выполнил Условие Тщания.

Прочел он Книгу Радости, она же — «Нарва». По воспоминаниям бывшей жены, Лагудов перенёс бурное эйфорическое состояние, не спал всю ночь, говорил, что подверг бытие всеобщему анализу и у него появились великолепные мысли, как принести пользу человечеству, раньше он был запутан в жизни, а теперь всё стало ясно, при этом громко смеялся. К утру эмоции утихли, и он сухо сообщил встревоженной жене, что его идеи рано подвергать оглашению. В тот день он не смог выйти на работу, настроение было подавленным, и мыслей о всеобщей гармонии он больше не высказывал.

Содержательная сторона эйфории, которую пережил Лагудов, не имела смысловых пересечений с громовским сюжетом, и Лагудов никак не связал

ночные события с прочтением книги. Но в душе всё же остался некий эмоциональный рубец, благодаря которому Лагудов запомнил писателя по фамилии Громов.

Спустя восемнадцать лет Лагудов увидел в закудалом вокзальном магазинчике повесть Громова. Ностальгируя по далёкому ночному счастью, Лагудов купил книгу — она стоила после всех уценок пять копеек и была невелика, две сотни страничек — как раз на предстоящую дорогу.

В электричке обстоятельства опять помогли Лагудову выполнить два Условия. В одном вагоне с ним ехали подвыпившие парни, донимавшие пассажиров. Немолодой и не особо сильный Лагудов предпочёл не связываться с рослыми хамами. Ему было по-мужски стыдно, что он не может окоротить негодяев, и он уткнулся в страницы, изображая человека, предельно увлечённого чтением.

Лагудову тогда досталась книга Памяти — «Тихие травы», от которой он ненадолго впал в дремотное состояние. Книга подложила Лагудову ярчайший фантом, несуществующее воспоминание. Лагудова захлестнула такая сокрушающая нежность к той приснившейся жизни, что он в слезливом восторге оцепенел от всепоглощающего чувства светлого и чистого умиления.

С прочтением второй громовской Книги судьба Лагудова круто изменилась. Он оставил работу, развёлся с женой, и следы его затерялись. Через три года Лагудов снова возник, и вокруг него уже сформировался мощный клан, или, как они сами себя называли, — библиотека. Именно этот термин со временем распространился на все организации подобного толка.

В библиотеку Лагудова в первую очередь вошли люди, на которых он проверял Книгу Памяти. Лагудов поначалу самонадеянно связывал чудесный эффект с личными качествами. Опыты же показали, что при соблюдении Условий Книга безоговорочно воздействовала на всех. Ближайшим сподвижником Лагудова стал психиатр Артур Фризман — Лагудов первые месяцы сомневался в своем психическом здоровье.

Лагудов проявлял осторожную избирательность, приближая людей мирных обнищавших профессий: учителей, инженеров, скромных работников культуры — тех, кого наступившие перемены запугали и морально подавили. Он полагал, что униженная новым временем интеллигенция окажется податливым и надёжным материалом, не способным на бунт и предательство, в особенности если восполнит через Книги, а косвенно и Лагудова, свою извечную классовую тоску по духовности.

Во многом этот домысел был ошибочным. Громовские Книги полностью меняли личность, просто осмотрительному Лагудову преимущественно везло с новыми товарищами; кроме того, ему квалифицированно помогал Фризман, который вербовал далеко не всех подряд.

Попавшие в библиотеку обычно испытывали к Лагудову глубокое уважение и преданность, и это было объяснимо: большинству отчаявшихся, измученных нищетой людей Валериан Михайлович возвратил надежду, смысл существования и сплочённый единой идеей коллектив.

Первые два года Лагудов собирал под знамёна в основном униженных и оскорблённых интеллигентов, потом он решил, что библиотеке явно не